

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ И ДЕЙКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ В КОМЕДИЯХ ИТАЛЬЯНСКИХ АВТОРОВ XVI ВЕКА

Д.А. Кутеко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kuteko_darja@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена функционированию личных и дейктических местоимений в комедиях итальянских авторов XVI века — именно в этот период вследствие «спора о языке» определился общий для всего государства идиом. При этом комический театр сохранил черты, характерные для живого общения прошлых эпох, а не только стандартизированную норму языка, доступную лишь очень ограниченному кругу образованных итальянцев. Принято считать, что наибольшие по сравнению с *italiano standard* изменения, произошедшие на современном этапе развития языка, касаются именно системы местоимений. Однако при анализе комедий уроженцев центральных, северных и южных регионов были обнаружены феномены, характерные для текущей стадии развития итальянского языка и считающиеся при этом инновативными, а именно: использование местоимений *lui*, *lei* и *loro* в синтаксической функции подлежащего; двойной дательный; упрощение трехчастной системы указательных местоимений, характерной для Тосканы; распространение усеченных форм *'sto* и *'sta* вместо полных *questo* и *questa* и некоторые другие. Несмотря на нерегулярный характер и высокую степень вариативности данных явлений (зачастую обусловленные региональными особенностями и субстратным влиянием диалекта), выявленные контексты дают основание полагать, что итальянский язык в настоящий период не вырабатывает новейшие и беспрецедентные феномены, но скорее претерпевает процесс рестандартизации, при котором происходит сближение устной и письменной речи и нормируются черты, характерные прежде исключительно для неформального общения. Диалект же оказывает субстратное влияние на итальянский язык не только в синхронии, но и в диахронии.

Ключевые слова: *italiano neostandard*; итальянский комический театр; *questione della lingua*; рестандартизация итальянского языка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-4

Для цитирования: Кутеко Д.А. Особенности употребления личных и дейктических местоимений в комедиях итальянских авторов XVI века // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 3. С. 45–53.

FEATURES OF THE USE OF PERSONAL AND DEICTIC PRONOUNS IN COMEDIES OF ITALIAN AUTHORS OF THE 16th CENTURY

Daria Kuteko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kuteko_darja@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the functioning of personal and deictic pronouns in comedies of Italian authors of the 16th century. It is believed that main changes in comparison with the italiano standard that have occurred at the present stage of language development concern the system of pronouns. However, when analyzing comedies of natives of the central, northern and southern regions, phenomena characteristic of the current stage of the development of the Italian language and considered innovative were found: the use of pronouns *lui*, *lei* and *loro* in the syntactic functions of the subject; double dative; simplification of the three-part system of demonstrative pronouns; the spread of truncated forms *sto* and *sta* and some others. The revealed contexts give reason to think that the Italian language at present time does not develop unprecedented phenomena, but rather undergoes a process of restandardization, in which oral and written speech converge and features that were previously characteristic exclusively of informal communication are normalized. The dialect has a substrate effect on the Italian language not only in synchrony, but also in diachrony.

Keywords: italiano neostandard; Italian comic theatre; questione della lingua; restandardization of the Italian language

For citation: Kuteko D.A. (2023) Features of the Use of Personal and Deictic Pronouns in Comedies of Italian Authors of the 16th Century. *Lomonosov Philology Journal*. Series 9. Philology, no. 3, pp. 45–53.

Итальянский язык на протяжении всей истории своего существования развивался параллельно с многочисленными диалектами Италии: до середины прошлого века они были гораздо более употребительны в ситуациях повседневного общения, нежели литературный кодифицированный итальянский язык. Постепенно общий для всего государства italiano standard начинал все прочнее входить в обиход, но диалекты оказывали субстратное влияние: из-за активного употребления в неформальных регистрах в italiano standard проникали черты, привычные и понятные итальянцам, владевшим в первую очередь своим родным диалектом, а не во многом искусственно созданным и внедренным для сплочения нации литературным языком.

Это привело к новому этапу в развитии итальянского языка, а именно — к появлению такой его разновидности, которую Гаэтано Берруто назвал «italiano neostandard» [Berruto 2014: 18]. К сожалению, «готовых аналогов в русскоязычной лингвистической терминологии

у него на данный момент нет» [Жолудева 2020: 502], однако этот термин употребляется для обозначения наддиалектного, полифункционального и обладающего социальным престижем языка, допускающего большую вариативность по сравнению с *italiano standard*. Ключевым в данном определении является именно большая степень вариативности, поскольку *italiano neostandard* менее консервативен по сравнению с *italiano standard*, его употребление не ограничено исключительно формальными контекстами, но в целом соответствует неформальному языку повседневного общения.

Самые значительные произошедшие в *italiano neostandard* изменения затронули систему местоимений: как личных, так и дейктических. Однако для того, чтобы понять степень их инновативности, следует обратиться к языку отдаленных эпох. В связи с тем, что в этом случае доступными для анализа источниками являются исключительно письменные, по большей части фиксирующие нормативные языковые формы, ценный материал для исследования представляют тексты итальянских комедиографов XVI века.

Как известно, норма в итальянском долгое время была прецедентной и складывалась с опорой на образцы языка, которым пользовались несколько веков назад. Подобная искусственность литературного языка не принималась авторами XVI века: бытовало мнение, разделяемое всеми комедиографами (в частности, Макиавелли, указавшим на это в трактате «Придворный»), что таким языком можно писать документы, но для искусства он не подходит. Поэтому в комедиях обращались к живому языку: он был понятен всем и, следовательно, способен вызвать комический эффект. Именно по этой причине тексты комедий относятся к основным источникам образцов живой разговорной речи неформального регистра прошлых веков.

Неслучайно также обращение к произведениям именно XVI века: он ознаменован так называемым *Questione della lingua* — поворотным моментом в вопросе нормирования итальянского языка, итогом которого стала выработка принципов его нормализации.

Использование диалекта является одной из важнейших особенностей поэтики комического театра, поэтому для полноты анализа было решено рассмотреть тексты авторов из разных регионов: из центральных — римского комедиографа Ф. Бело «Педант» (*Il Pedante*, 1529), одного из основателей сиенской академии Оглушенных А. Пикколомини «Постоянство в любви» (*L'amor costante*, 1536) и флорентийца К. Ланчи «Местола» (*Mestola*, 1583); из северных — венецианского гуманиста Л. Дольче «Юноша» (*Il Ragazzo*, 1541), прозаика из Пьяченцы Дж. Парабоско «Ночь» (*La Notte*, 1546) и уроженца Мантуи Г. Азиани «Пронуба» (*La Pronuba*, 1588); из юж-

ных — родившегося в Неаполе монаха-доминиканца Дж. Бруно «Подсвечник» (*Il Candelaio*, 1582), неаполитанского актера и комедиографа Ф. де Форнариса «Анжелика» (*L'Angelica*, 1584) и неаполитанского драматурга Дж. делла Порта «Служанка» (*La fantesca*, 1592). В них обнаруживаются тенденции развития местоимений, которые наблюдаются и в современном языке, — проанализируем, какие.

Прежде всего внимание привлекает продолжающаяся до настоящего времени конкуренция субъектных местоименных форм 3-го лица (*lui, lei, loro/egli, ella, esso, essa, essi*). На современном этапе в тех контекстах, когда местоимение не опускается, в синтаксической роли подлежащего будут преимущественно употребляться субъектные местоимения *lui, lei* и *loro*. Безусловно, в комедиях XVI века сохраняется гораздо большая степень вариативности, указанные местоимения встречаются в основном с предлогами косвенных падежей, но не только.

Частотнее всего в синтаксической функции подлежащего употребляется местоимение *lui*. Любопытно, что в комедии неаполитанца Джордано Бруно «Подсвечник» оно встречается рекордных 46 раз в репликах практически всех персонажей: по восемь раз в репликах плута Барры (*Lui parla bon cristiano*. [Bruno 1863: 100]) и студента Сангуино (*Non è lui galantuomo, saggio, accorto, di valore, d'ogni stima degno?* [Bruno 1863: 146]), шесть раз у мошенника Ченчио (*Lui è stato presentato al tutto, che si faceva; lui faceva tutto...* [Bruno 1863: 40]), пять раз в речи некроманта Скарамуре (*Anzi è necessario; quando lui saprà, come la cosa passa, io credo che accetterà*. [Bruno 1863: 64]), четырежды — у художника Джованни Бернардо (*Lui essendo nella miseria che eravate voi...* [Bruno 1863: 41]), трижды его употребляет аптекарь Консальво (*Fate come ha fatto lui*. [Bruno 1863: 106]). Остальные персонажи комедии используют данное местоимение в функции подлежащего лишь единожды или дважды. Таким образом, в комедии Бруно его употребление не связано с социальным положением персонажа, но является повсеместным и применяется даже более широко, нежели традиционное для *italiano standard* в синтаксической роли подлежащего *egli*.

В комедии римского комедиографа Франческо Бело «Педант» данный феномен встречается сравнительно нечасто — тринадцать раз, однако очевидно, что автор наделяет им речь персонажей низшего сословия: *Mastro, io credo che lui non ce vorrà venire*. [Belo 1912: 92]; *Lui non mi deve cognoscere anco, ah?* [Belo 1912: 91].

Флорентиец Корнелио Ланчи в комедии «Местола» прибегает к *lui* в синтаксической роли подлежащего чуть реже, чем Франческо Бело, — всего двенадцать раз, однако, как и в «Подсвечнике» Бруно, это явление не является характерным исключительно для предста-

вителей низшего сословия. По три примера можно найти в репликах девушки Фаустины, переодетой в юношу (*lui fuggì...* [Lanci 1583: 92]), и Гульельмо, мужа Калиопы (*Voi havete una gran ragione, e lui torto.* [Lanci 1583: 93]). Дважды *lui* является подлежащим в репликах сводницы Кокколины (*Acciò lui veda, e senta quello che voi fate...* [Lanci 1583: 31]) и влюбленной Изабеллы (*Ma lui per la porta di dietro, s'era partito.* [Lanci 1583: 75]) и по одному разу встречается в речи старика Аверардо (*Bisognerebbe, ch'ognuno havessi il pensiero, che ha lui.* [Lanci 1583: 48]) и возлюбленного Изабеллы Бузигатто (*Domani poi farà intendere il tutto à M. Flaminio, che vuole ancor lui sappia ogni cosa.* [Lanci 1583: 106]).

В комедии неаполитанского автора Фабрицио де Форнариса «Анжелика» *lui* в качестве подлежащего употребляется восемь раз и так же, как и в «Педанте», преимущественно в репликах слуг. Например, четырежды его использует паразит Мастика: *Se lui l'ama come ha sempre dimostrato...* [Fornaris 1607: 24]).

Всего трижды встречается *lui* в роли подлежащего в комедиях сиенца Алессандро Пикколомини «Постоянство в любви» (*Mi vien voglia di far quel conto di lui che lui fa di me.* [Piccolomini 1912: 73]) и неаполитанца Джамбаттиста делла Порта «Служанка» (*Certo, che è assai più di quello che lui n'ha raccontato.* [Porta 1592: 70]).

Венецианец Дольче нередко употребляет *lui*, однако ни разу в интересующей нас синтаксической функции — вероятно, это связано с региональными особенностями севера, поскольку в комедии уроженца Пьяченцы Джироламо Парабоско «Ночь» также практически не используется *lui* в функции подлежащего (удалось найти всего три примера, которые приведены далее, когда речь идет об одновременном использовании *lui* и *egli* в пределах одного диалога). Аналогичная ситуация у мантуанского комедиографа Азиани — несмотря на то, что «Пронуба» относится к концу XVI века, *lui* в роли подлежащего встречается только дважды (его используют слуги: *Questo è Rampino tutto in facende, né anco lui è incapato molto bene a padrone.* [Asiani 1588: 38]).

Местоимение *lei* в роли подлежащего менее частотно. Наибольшее количество раз его использует флорентиец Корнелио Ланчи: в комедии «Местола» содержится девять примеров. Практически половина (четыре контекста) принадлежит главной героине: *Lei sospirando mi disse...* [Lanci 1583: 3].

Джордано Бруно употребляет *lei* в роли подлежащего почти в шесть раз реже, нежели *lui*, — в комедии можно выявить восемь контекстов: дважды в речи плута Барра (*Se lei avesse detto una volta no, io non arei più parlato.* [Bruno 1863: 55]) и служанки Лучии (*Anzi*

lei ha pensato un'altra cosa... [Bruno 1863: 80]), у остальных персонажей — единожды.

Пять раз в синтаксической роли подлежащего *lei* встречается в комедии де Форнариса. Дважды — в речи служанки Ливии (*e lei tutta tremando m'impose...* [Fornaris 1607: 123]), а также по разу в репликах остальных слуг. Трижды его использует Франческо Бело: в речи обманутой жены Фульвии (*Qualche cosa deve aver a far, lei.* [Belo 1912: 94]) и слуг (*Ma ricordatevi che lei è donna ed è bella e giovane...* [Belo 1912: 133]). Однажды местоимение встречается у Пикколомини (в реплике парасита: *e lei miri te...* [Piccolomini 1912: 54]) и ни разу у Дольче и делла Порта.

Таким образом, местоимение *lei* в синтаксической роли подлежащего выступает гораздо реже по сравнению с *lui*, независимо от родного для автора комедии региона, и на тот момент характерно исключительно для речи представителей низшего сословия — слуг, параситов, кормилиц.

Проследить тенденцию в употреблении *loro* в качестве подлежащего гораздо сложнее, поскольку его использование в данной синтаксической функции пока еще крайне редко: феномен встречается всего лишь по одному разу и только в комедиях Пикколомини (*bene che loro mi potessero fare.* [Piccolomini 1912: 12]), Бруно (*non per che loro si curino di questo, ma per far la cosa più verisimile.* [Bruno 1863: 115]), де Форнариса (*se l'inganno che han fatto è tanto verisimile, che loro lo tengono per più che vero?* [Fornaris 1607: 79]) и Ланчи (*non si curano di promesse, che loro habbino fatto.* [Lanci 1583: 11]).

Как уже было отмечено, данные местоимения характерны преимущественно для реплик персонажей низшего сословия. Герои, имеющие более высокое социальное происхождение, могут употребить их только при разговоре со слугами или же в иной синтаксической функции, отличной от подлежащего, но в основном пользуются местоимениями *egli, ella*. Однако даже слуги могут использовать оба варианта местоимений в зависимости от социального статуса собеседника. Особенно частотно данное явление в комедии венецианца Джироламо Парабоско «Ночь»: *egli m'ha già donato per arra di quello che mi ha promesso dieci scuti d'oro, che sia benedetto lui e chi l'ama.* [Parabosco 1546: 46]

Другая характерная для текстов комедий XVI века черта — использование *te* вместо *tu* в качестве подлежащего не только в контекстах вроде *io e te*. Это созвучно тенденции нейтрализовать оппозицию между подлежащим и дополнением в italiano neostandard: *Te morrai di subito, come saprai questa nuova.* [Dolce 1912: 269]; *Che hai? di che te ridi?* [Belo 1912: 118]

Нередко употребляется двойной дательный (*doppio dativo*), а именно — сочетание ударной и безударной форм косвенного местоимения вроде *a te mi*. Такую конструкцию можно рассматривать в качестве одного из видов эмфатической конструкции «вынос влево или вправо» (*dislocazione a destra / a sinistra*): *Vi vo' contare a voi uomini...* [Piccolomini 1912: 74]; *Te voglio bene io a te, veh!* [Belo 1912: 103]

Частотно использование безударного косвенного местоимения *gli* в значении косвенного дополнения 3-го лица женского и мужского рода единственного и множественного числа, то есть способного заменять конструкции *a lui*, *a lei* и *a loro*: *Ma Fioretta lavora tanto gagliardo che Cleria gli cede e si dá per vinta*. [Porta 1592: 29]; *Se io gli prometto ciò ch'ella vole, noi stiam concì!* [Belo 1912: 91]; *Ma voi mi parete uno di quelli che aspetta che il confessore gli addimandi i peccati*. [Piccolomini 1912: 214]

Среди указательных местоимений встречаются частотные на современном этапе итальянского *questo*, *quello*, *tale*, *esso*, *stesso*, *medesimo*, употребление которых в сочетании друг с другом или с личным местоимением является плеонастическим. Вероятно, экспрессивность личных местоимений ослабевает, поэтому перечисленные указательные местоимения выполняют роль усилителей. Причем в текстах комедий XVI века их использование характерно для представителей всех сословий: *bisogneria che mandassi se stesso a lui medesimo...* [Porta 1592: 11]; *Non si potrà scoprire, se non la scopriamo noi stessi, che non ci è altro che lo sappia*. [Fornaris 1607: 69]; *Quanto mi fanno doler la testa queste tali filastrocche!* [Piccolomini 1912: 53]

Встречаются примеры употребления усеченных форм указательных местоимений *'sto/'sta*, которые получили широкое распространение в современной разговорной речи: *voio andare de sto mistro di scola...* [Belo 1912: 125]; *Mi sé tanto innamorao in sta donna mia vicina...* [Belo 1912: 149].

Характерная для Тосканы трехчастная система указательных местоимений (*questo/quello/cod(t)esto*) сохраняется только в комедии сиенского комедиографа Алессандро Пикколомини, а в остальных комедиях упрощается.

Итак, рассмотренные и систематизированные контексты дают основание полагать, что проанализированные явления, касающиеся использования личных и дейктических местоимений (употребление *lui*, *lei* и *loro* в синтаксической роли подлежащего; использование *te* вместо *tu*; двойной дательный; безударное косвенное местоимение *gli*, способное при смещении логического ударения заменять ударные конструкции с личными местоимениями мужского и женского рода единственного и множественного числа *a lui*, *a lei*, *a loro*; упрощение трехчастной системы указательных местои-

мений и распространение усеченных форм *sta* и *sto*), не являются инновативными. Язык на современном этапе развития скорее претерпевает процесс рестандартизации, при котором устная и письменная речь сближаются, а черты субстандарта, не соответствующие литературной норме итальянского языка, активно проникают в норму и кодифицируются.

Нельзя не отметить неоднородность проанализированных явлений, обусловленную региональными особенностями. Нагляднее всего это наблюдается при рассмотрении использования местоимений *lui*, *lei* и *loro* в функции подлежащего: так, в комедиях северных авторов этот феномен практически не употребляется — в 100 % случаев подлежащим выступает *ella* вместо *lei*, а процент использования *lui* в заявленной функции не превышает 5 % в комедиях Азиани и Парабоско. Комедиографы с юга и из центра обращаются к *lui* и *lei* в роли подлежащего значительно чаще: от 19 % (как у Бруно) до 33 % (как у де Форнариса) для *lui* и от 17 % (как у Бело) до 44 % (как у Бруно) для *lei*. Любопытно, что у римлянина Франческо Бело и неаполитанца Джордано Бруно употребление *lui* и вовсе превалирует над *egli*, составляя более 60 % контекстов от общего количества случаев выражения значения 3-го лица единственного числа мужского рода при помощи местоимения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что диалектальные черты являются субстандартом по отношению к итальянскому языку не только в синхронии, но и в диахронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жолудева Л.И. К вопросу о понятии *italiano neostandard* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 2. С. 499–506.
2. *Asiani G. Pronuba. Francesco Osanna, Mantova, 1588.*
3. *Belo F. Il Pedante // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari, 1912.*
4. *Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo; 2 ed. Roma, 2014.*
5. *Bruno G. Il Candelaio. G. Daelli e Comp., Milano, 1863.*
6. *Dolce L. Il Ragazzo // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari, 1912.*
7. *Fornaris F. de L'Angelica. Venetia: Francesco Bariletti, 1607.*
8. *Lanci C. Mestola. Giorgio Marescotti, Firenze, 1583.*
9. *Parabosco G. La Notte. Tomaso Botietta, Venetia, 1546.*
10. *Piccolomini A. L'Amor costante // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari, 1912.*
11. *Porta G. della. La fantesca. Presso Gio. Battista Bonfandino, Venetia, 1592.*

REFERENCES

1. *Asiani G. Pronuba. Francesco Osanna, Mantova, 1588.*
2. *Belo F. Il Pedante // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912, pp. 83–163.*

3. Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo; 2 ed. Roma: Carocci, 2014.
4. Bruno G. Il Candelaio. G. Daelli e Comp., Milano, 1863.
5. Dolce L. Il Ragazzo // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912, pp. 205–295.
6. Fornaris F. de L'Angelica. Venetia: Francesco Bariletti, 1607.
7. Lanci C. Mestola. Giorgio Marescotti, Firenze, 1583.
8. Parabosco G. La Notte. Tomaso Botietta, Venetia, 1546.
9. Piccolomini A. L'Amor costante // Commedie del Cinquecento. A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912, pp. 1–125.
10. Porta G. della. La fantesca. Presso Gio. Battista Bonfandino, Venetia, 1592.
11. Zholudeva L.I. K voprosu o ponyatii italiano neostandard [The Concept of Italiano Neostandard]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, 22 (2), pp. 499–506.

Поступила в редакцию 29.09.2022
Принята к публикации 04.04.2023
Отредактирована 22.04.2023

Received 29.09.2022
Accepted 04.04.2023
Revised 22.04.2023

ОБ АВТОРЕ

Кутеко Дарья Андреевна — аспирант кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, kuteko_darja@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria Kuteko — PhD Student, Department of Romance Languages, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, kuteko_darja@rambler.ru